

Осипу Мандельштаму

Оставшиеся в памяти слова
ещё живут, ещё боятся снега.
Холодное декабрьское небо
так хочется в карманы рассовать...

Так хочется хоть что-то сохранить
и разглядеть, пока ещё не поздно,
прожектора, похожие на звёзды,
и горизонта тоненькую нить...

Так хочется увидиться ещё,
растрогаться, обняться и заплакать,
но чья-то неопознанная лапа
ложится на костлявое плечо...

И падаешь, не выдержав тоски
и этих пьяных выкриков конвойных...
И всё вокруг становится спокойным,
и снег целует впалые виски...

...Прости меня, прости меня, прости,
замёрзшего, обляянного «гада»...
и не ищи, прошу тебя, не надо—
меня не отыскать и не спасти...

Уже не отыскать и не спасти...

Памяти Елены Касьян

Если уйти, то летом.
Медленно и неслышно.
Сказкою или былью
Станет такой исход:
Чтобы в лучах рассвета
Робко коснуться крыши.
Чтобы расправить крылья
И созерцать восход.

Не утонуть в тумане
Вязком, тягучем, склизком.
Даль загорится светом
Тихо и не спеша.
Кто-то с небес поманит,
Кто-то родной и близкий.
Если уйти, то летом.
Впрочем... Не нам решать.

● ● ●
Засыпают уставшие за день большие гавани
и бормочут невнятное что-то в ночной тиши.
Мой бумажный кораблик, в своё отправляясь плавание,
не спеши расставаться с берегом. Не спеши...

Впереди грозовые тучи и ветры глужие.
Будет трудно— ты этих трудностей не страшись.
Мой бумажный кораблик, ведь мы же с тобой везучие:
нам такая большая-большая досталась жизнь.

Солнце всходит лениво, цепляясь за волны лучиком.
Ты на хитрости эти вниманья не обращай...
Мой бумажный кораблик, я верю, что всё получится.
А иначе и быть не может... Пора... Прощай...

● ● ●
Не печалься, попробуй тоску отложить
на мгновение хотя бы.
Что отмерено нам, нужно просто прожить,
в том числе и октябрь—
этот странный сезон ржавых листьев в снегу,
эту лживую осень.
Одинокий костёр на другом берегу
заплутал между сосен...

Сделать так, чтобы снова пришла весна,—
неподвластно законам.
Невзирая на то, всё, что дорого нам,
непременно запомним:
эти старые улицы в блеске огней,
эти судьбы и лица.
Всё, что взято на память у солнечных дней,—
сквозь всю зиму хранится...

Календарные дни на стене шуршат—
они снова не в моде.
Осторожно, наигранно не спеша
наше время проходит.
Когда сотни мгновений в одной судьбе,
словно листья, кружатся,
обещаем привычно самим себе
до весны продержаться...

Остров Детства

Стучало что-то около виска,
И волосы слегка на лоб свисали.
Мы возводили замки из песка,
Поскольку настоящих не застали.

В атаку шли бумажные полки.
Их доломаны красные хрустели.
И лёгким мановением руки
Мы воплощали в жизнь всё, что хотели.

И облака маячили вдали,
Готовые порваться от натуги.
По лужам плыли наши корабли,
Ведь море было где-то там — на юге.

А здесь, в Сибири, в северных краях,
Коротким летом обжигая души,
Мы думали о сказочных морях,
О той недостижимо-жаркой пище,

О картах, флибустьерах, парусах,
О прерии, что тайнами объята,
О том, что ясно видели во снах
Простые и весёлые ребята.

Теперь, когда седеет голова
И никуда от этого не деться,
Исчезли все былые острова.
Не исчезает только остров Детства.

Шуршит своей белизной позёмка,
И тихо тает короткий вечер.
Спокойно, сдержанно и негромко
Прощаюсь, словно уйду навечно.

Сердито щурится старый дворник,
Метлюю гонит снежинок стаю.
Я точно знаю: сегодня вторник,
А что за вторником — я не знаю.

Среда, быть может, а может, вечность.
Но всё бессильно, и я бессилен.
Фонарь разбитый луны беспечность
Смешно баюкает: «...тили-тили...»

А я ботинком «рисую» дуги
И не могу прошептать ни слова.
Вернём, быть может, судьбу на кру́ги,
Всю жизнь свою начиная снова?

Уйдёт, ругаясь, сердитый дворник.
Фонарь разбитый наутро снимут.
Ну кто, скажите, придумал вторник,
Позёмку эту и эту зиму?

А память тихо листает кадры
Разлук, хранящихся у порога.
Всё как обычно: зима, декабрь
И душу ранившая тревога...

Этюд об открытой форточке

Лезет в открытую форточку лунный свет,
Словно домовник рыскает по квартире.
Можно поверить, что всё-таки счастья нет
В этом несносно-холодном январском мире.

Можно поверить, а можно ведь жить как жил —
Тихо и скромно, забыв про судьбы повестки.
Ветер, проникнув в комнату, закружил
Две белоснежных ситцевых занавески.

Вспомнишь о чём-то и скажешь зачем-то вслух
(Мыслей полно неприкаянных и сторонних),
А через форточку белый ворвётся пух
И, словно вата, ляжет на подоконник.

Вьюга наводит призрачные мосты.
Ты точно так же — что-то ломаешь-строишь,
Но вылетают в форточку все мечты.
Ты, загрустив немного, её закроешь.

Больше не лезет в форточку лунный свет...

Где-то там, у Мясного Бора,
где листвою шумят деревья,
сквозь заслоны болотных просек
и тумана тугую нить,
добежит до тебя дозорный,
не убитый ещё ефрейтор,
отдышавшись, негромко спросит:
«Не найдётся ли закуришь?»

Где-то там, в Будапеште, с треском
переломаны танком ветки.
Ночь измажет окрестность сажей,
перепачкает лунный свет.
Рядовой-пулемётчик резко
перестанет сжимать гашетку,
повернётся к тебе и скажет:
«Вот и всё, брат, — патронов нет».

Где-то там, в Хое́ншта́йне, стены
человеческой кровью белят.
Поутру расстреляют наших,
совершивших ночной побег.
Этот рядом стоящий пленный,
перед тем как его застрелят,
прокричит: «Помирать не страшно!» —
и повалится в грязный снег.

...Где-то здесь, под крестом нательным,
сильно-сильно стучится в рёбра
единение с прошлым веком,
проходящее сквозь года.
Я не видел всего на деле,
но из Памяти этой собран.
Мир, воссозданный по частицам,
не сломается никогда...

Кое-что о полётах

КрАлась Тень по стене и взбиралась зачем-то по шторам, просочившись сквозь них, пролезала в оконную щель, а потом, захлебнувшись тревожным и горьким простором, поднималась над лентами стиранных чьих-то вещей.

Вслед за тем замечала вдали угловатую птицу, присоседившись к ней, продолжала незримый полёт. Для Теней очень важно в пространстве не ошибиться и на нужное облако не пропустить поворот.

Вот и облако белое. «Здравствуй, воздушное облако», — говорила она и пронзала его в тот же миг, на себе ощущая явление чуждого облика — то стоял у ворот сединой убелённый Старик.

Он «ловил человеков» на длинную-длинную удочку (ведь рыбак есть рыбак: хоть на небе, а хоть на земле). Здесь, на облаке, было светло. И играли на дудочке. И ключи от ворот находились на белом столе.

Тень стояла, смотрела, тонула в объятиях света. Кифа строй новобранцев, как встарь, обходил не спеша, а когда оказался пред ней, ожидая ответа, Тень, смутившись немного, представилась робко: «Душа...»

Это всё было там, за пределом обычного взора, там рыбачит Старик, там ничто никого не заботит. А в обычной квартире, на столике около шторы, — фотография в траурной рамке и свечка напротив...

Лето на юге начнётся значительно раньше, чем здесь, выйдет неспешно из всеми заброшенной «Чайной», первым неярким лучом черноморскую взвесь тронет случайно.

Впрочем, откуда нам знать-то: какое оно, лето, которое мы никогда не встречали? Смотрят наивно и клювом стучатся в окно наши печали.

Мы дотянули до марта — уже хорошо. Снова весна. Значит, будет немного полегче. Всё понимаем, но год незаметно прошёл — время не лечит.

Лечит лишь солнце, да где же его отыскать? Серое облако бьётся в обочинной луже. Из-за угла на тебя нападает тоска. Голос простужен.

Даже не важно, какой сейчас год и сезон, что-то подобное было и ныне, и присно. Знаешь, я вот что подумал: сотрём горизонт, выйдем на пристань.

Будет закат, как обычно, по-южному тлеть, в воду начнёт погружаться калёное солнце. Рядом усядемся, будем на море смотреть — тем и спасёмся...

Мы смотрели куда-то вверх. Птицы к небу взлетали чаще. А закат догорал и мерк, Расплываясь по сонным чащам.

Всплеск весла нарушал покой, Всё твердил о своём, о вечном. Лишь под вечер кончался зной, А туман приходил под вечер.

Приходил. Налипал, как тальк, Тишине леденящей вторил. А мыплыли куда-то вдаль, Где беды не бывает с горем.

Гасли звёздочки папирос, Задувал их прибрежный ветер. Пёстрый берег цветов и рос Был желтеющим в лунном свете.

Плоскодонки чернела сталь, И стучала волна о днище. Было всё же немного жаль То, чего никогда не сыщешь.

Просыпался пугливый стерх, Жаба что-то протяжно пела. Мы смотрели куда-то вверх, Исчезая в тумане белом.

Памяти Владислава Петровича Крапивина

Друг мой, штопаный-перештопаный
За четыре десятка лет,
Митька, помнишь, как под
флагштоками
Мы встречали с тобой рассвет?
Улыбались ему и верили,
Всем сомнениям вопреки,
В то, что там, за песчаным берегом,
Есть другие материки,
Острова, города и улицы,
Неизведанные пока,
Где огромный угёс сутулится,
Присоседившись к облакам,
Где все ночи пропахли августом,
Раскрасневшимся от огня,
Где для нас становилась парусом
Белоснежная простыня.

Так и жили. Но всё кончается.
Только смерти, поверь мне, нет.
Знаешь, Митька, пока качается
Над зелёной волной рассвет,
Пока ветер гудит неистово,
Пробирается по траве,
Пока кто-нибудь ждёт на пристани —
Не теряется человек...